

УДК 82

ТОМСКИЙ КАК РАССКАЗЧИК

© 2013 г.

И.С. Юхнова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

yuhnova@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.10.2012

Дается новая трактовка одного из героев повести Пушкина «Пиковая дама» – Томского. На основе анализа его речевых стратегий показано, что он художественно озаренная натура с широким культурным кругозором.

Ключевые слова: «Пиковая дама», Пушкин, речевые стратегии, диалог, Томский, общение, коммуникативная проблематика.

Томский в системе персонажей повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» обычно рассматривается как персонаж второстепенный. Пожалуй, только в одной работе – статье Н.А. Ермаковой – показано, что он является вполне самостоятельным и идейно значимым героем, своего рода антитезой Германа: «не вступая в непосредственные отношения с Германом, – пишет исследовательница, – Томский является его оппонентом в социальной действительности и представляет от категории «праздных счастливых», «вечных любимцев счастья»» [1, с. 109–110], эти два героя «воплощают собой противоположные энергетические источники сюжетности «Пиковой дамы»: один из них обеспечивает линейность сюжета, другой вносит в него начало произвольности, условности, необязательности» [1, с. 110]. Н.А. Ермакова обнаружила, что Томский существует в контексте «болтовни», никогда не появляется в произведении вне акта говорения. Однако он не просто показан как герой общающийся, Томский – еще и рассказчик: именно от него Германн, Нарумов, другие участники игры узнают историю трех карт. В связи с этим интересно проследить, как строит герой свой рассказ, как «удерживает» внимание слушателей, какие свойства его сознания при этом проявляются.

Свою историю Томский рассказывает таким образом, что перед слушателем словно проигрывается ряд микросцен, отчетливо передающих и характер его бабушки с дедушкой, и суть их отношений, а также стиль общения, утвердившийся между ними. Лишь в одном фрагменте (справке о Сен-Жермене, которая является своеобразным отступлением от динамичного повествования) не воссоздается дух общения. В основе же остальных микросцен лежит комму-

никативная ситуация, которая воспроизводится пластично, в ней соединяются жест и слово, осязаемы интонации, лексика собеседников. Достаточно вспомнить хотя бы одну из них. Томский рассказывает: «Приехав домой, бабушка, отлепливая мушки с лица и отвязывая фишмы, объявила дедушке о своем проигрыше и приказала заплатить».

Покойный дедушка, сколько я помню, был род бабушкина дворецкого. Он ее боялся, как огня; однако, услышав о таком ужасном проигрыше, он вышел из себя, принес счета, доказал ей, что в полгода они издержали полмиллиона, что под Парижем нет у них ни подмосковной, ни саратовской деревни, и начисто отказался от платежа. Бабушка дала ему пощечину, и легла спать одна, в знак своей немилости» [2, с. 211]. Перед слушателями (и читателями) драматически воссоздается сцена из прошлого, причем живо, характерно, узнаваемо. Это происходит и в других микросценах. Однако форма прямого диалога используется только в одном случае – в рассказе о визите Сен-Жермена. И это понятно – в нем заключено зерно рассказа, его тайна. И ее достоверность, реальность подтверждается звучащим словом. В.В. Виноградов отмечает, что в рассказе Томского «речи действующих лиц воспроизводятся в тех же лексических, а отчасти и синтаксических формах, которые преподносятся им самим, но с иронически измененной экспрессией, с «акцентом» передающего их рассказчика» [3, с. 107]. Однако стоит отметить, что ирония звучит только в первых двух микросценах; как только в «анекдоте» входит тайна, ирония постепенно исчезает. И еще на один момент указывает В. Виноградов. Он считает, что в данном «анекдоте» голос Томского сближен с голосом повествователя:

«...прием драматизации, – пишет он, – влечет за собой субъектное раздвоение повествовательного стиля: Томский делается одной из личин повествователя» [3, с. 106]. Вместе с тем «...в этом диалоге Томский, как драматический персонаж, раскрывает не свою художественную личность рассказчика, а свой бытовой характер игрока и светского человека» [3, с. 106]. Сделав это наблюдение, В. Виноградов, тем не менее, «бытовую» составляющую в характере героя не раскрывает. Его личность обрисовывает А.В. Западов, который определяет Томского как «человека светского и недалекого» [4, с. 51]. По мнению исследователя, «рассказ его изложен Пушкиным без желания соблности индивидуальные приметы речи, текст лаконичен, лишен каких бы то ни было внешних эффектов» [4, с. 51] и обусловлен возможностью выделиться, привлечь к себе внимание. Обсуждение игроками события в Версале получает такой комментарий исследователя: «Томский – хозяин рассказанной истории, он считает себя вправе судить о возможных объяснениях тайны и несколько даже гордится, оказавшись в центре внимания общества, потому и отвечает «важно». И ремарка эта подчеркивает незначительность Томского, очевидную неавторитетность его суждений в обычное время, если начинает он говорить «важно» после того, как заинтересовал слушателей» [4, с. 52]. Реплике «Не думаю» исследователь приписывает комический характер [4, с. 53]. Нам кажется, что в данном комментарии не совсем точно расставлены акценты, кроме того, заметна явная тенденциозность в трактовке образа Томского.

В.В. Виноградов, как цитировалось выше, помещает этого героя в круг повествователя, а П. Дебрецени даже находит автобиографические черты в этом образе: «...Пушкин, подобно отцу и трем дядям Томского, большую часть жизни был «отчаянным игроком»» [5, с. 203]. Однако говорить о слиянии голосов повествователя и героя в момент рассказывания, на наш взгляд, не стоит, так как эти голоса принципиально разведены, что, кстати, и акцентируется включением в рассказ Томского авторского комментария, в котором он и слушатели становятся объектом изображения. Более точно определяет положение и позицию повествователя в этом эпизоде П. Дебрецени: «...когда Томский рассказывает свой анекдот, повествователь действует как режиссер-постановщик» [5, с. 219].

Томский – часть изображаемого мира игроков, и его сознание принципиально иное, чем сознание повествователя. Он – самостоятельный характер, с отчетливо прописанной и за-

вершенной судьбой, своим отношением к жизни, своей, ярко индивидуальной речевой партией, манерой речевого поведения. Это герой со своей историей. И уже первый рассказ Томского многое открывает в нем самом, поэтому нельзя согласиться с утверждением В.В. Виноградова, что Томский не раскрывает свою художественную личность рассказчика. Манера изложения истории трех карт, реплики в диалоге и коммуникативные контакты позволяют обрисовать его как человека явного художественного склада. Томский мыслит образно: как бы погружается в ту эпоху, которая становится предметом его рассказа, и воссоздает ее в зримых картинах. Он знает об этой эпохе не только из устных рассказов бабушки, но из записок современников, из книг. Литературный кругозор Томского очерчен в повести достаточно отчетливо, что позволяет говорить о том, что он литературно ориентированный человек: рассказывая историю трех карт, он упоминает записки Казановы, позже в разговоре с бабушкой – современные русские романы, а сравнение Германа с Мефистофелем свидетельствует о том, что это произведение Гёте также входит в круг его чтения.

Томский не лишен исторического чувства: примечательно, что, рассказывая о событиях шестидесятилетней давности, он соотносит свой взгляд, взгляд потомка, с оценками графини, человека той эпохи. Вот яркий пример: *«Ришелье за нею волочился, и бабушка уверяет, что он чуть было не застрелился от ее жесткости»* – в этой фразе Томского сведены две позиции: его и графини. Для старухи Ришелье – лишь один из ее поклонников, но иначе для Томского, отсюда ирония. Также отчетливо это явствует из его рассказа о Сен-Жермене (в нем – то же соотношение факта и бабушкиного отношения к Сен-Жермену).

Томский – прекрасный рассказчик. Он словно «видит» то, о чем повествует (как молодая красавица манипулирует мужем, как тот твердо отстаивает свою позицию, как к ней является Сен-Жермен...). И обладает даром поддерживать интерес слушателей к своему анекдоту: вовремя его прерывает и театрально держит паузу (и тогда в повествование включается голос повествователя), уточняет какие-то подробности, подключает иронию. Он где-то «растягивает», тормозит рассказ, а где-то, напротив, ускоряет темп, а завершает его вообще стремительно.

Томскому удается воссоздать атмосферу общения с бабушкой, передать отголоски устных рассказов, которые он мог слышать как от

нее самой, так и в качестве семейного предания, не случайно подчеркивается многократность услышанных историй («Каждый раз сердится, если говорят о нем с неуважением»; «В сотый раз рассказала внуку...»). Таким образом, рассказ Томского обусловлен не желанием выделиться или привлечь к себе внимание. Он рассказывает о том, что действительно занимает его и что будет абсолютно востребовано слушателями, захватит их.

Томский наделен интуицией и наблюдателем, от него не ускользают мелочи, детали, проговорки. Он дает Германну точную психологическую характеристику, определяя его как «лицо истинно романтическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля». И хотя она звучит во время «мазурочной болтовни», возникает вроде бы спонтанно, как брошенная вскользь фраза, тем не менее, потом она всплывает в сознании Лизаветы Ивановны и паразит её своей точностью («...он сидел на окошке, сложив руки и грозно нахмурясь. В этом положении удивительно напоминал он портрет Наполеона. Это сходство поразило даже Лизавету Ивановну» [2, с. 229]).

Суть личности Германа схвачена Томским настолько верно, что собеседник начинает смотреть на действительность, на другого человека его «глазами», сквозь призму его оценок. И это не единственный пример сильного, хотя и ненамеренного, неосознанного воздействия слова Томского на чужое сознание. Сила влияния истории трех карт в изложении Томского такова, что захватывает воображение не только Германа, но и других слушателей, например Нарумова.

В.В. Виноградов делает такое наблюдение: «В начале повести молодые игроки своими репликами характеризовали сами себя. Повествователь лишь называл их по именам, как «героев своего времени», как близких своих знакомцев: Сурин, Нарумов, Германн, Томский» [3, с. 108]. И хотя их реплики связаны с игрой, представляют собой реакцию на нее, в них дана квинтэссенция характера. Это, действительно, «герои своего времени», портрет поколения, и Пушкин показывает разные варианты жизненной реализации героев через их отношение к игре, так как именно здесь, в игорной зале, созревают идеи и осуществляются судьбы. И на осуществление как минимум двух судеб (Германна и Нарумова) напрямую повлиял рассказ Томского – его дар рассказчика разбудил стремление завладеть «тайной», которое реализовалось в поступок, действие.

Список литературы

1. Ермакова Н.А. Сюжетный эквивалент «болтовни» в «Пиковой даме» и «Романе в письмах» // Болдинские чтения. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1998. С. 107–118.
2. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 6. 1978.
3. Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 2. С. 74–147.
4. Западов А.В. В глубине строки. О мастерстве читателя. М.: Советский писатель, 1975. 296 с.
5. Дебрецени Пол. Блудная дочь. Подход Пушкина к прозе. СПб.: Академический проект, 1996. 398 с.

TOMSKY AS A NARRATOR

I.S. Yukhnova

The paper presents a new interpretation of Tomsky, one of the heroes of Pushkin's story «The Queen of Spades». Based on the analysis of his speech strategies, he is shown to be an artistically gifted person with a broad cultural outlook.

Keywords: «The Queen of Spades» by Pushkin, verbal strategies, dialogue, Tomsky, communication, communication problems.